

18+

Е. ЕРМАК

ТУПИК

Е. Ермак Тупик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24503323

ISBN 9785448536656

Аннотация

Сложно заглянуть в чужую душу. Невозможно понять, что таится в глубине глаз человека, которого ты давно знаешь. Неужели коллега может возненавидеть тебя настолько сильно, что захочет убить? В женском коллективе возможно всякое. А уж если события разворачиваются среди медиков, славящихся здоровым цинизмом и хладнокровием, то финал истории трудно предсказать. Одна из героинь совершает чудовищный поступок, надеясь при этом избежать мук совести. Ведь она давно привыкла к сделкам со своей душой.

Содержание

Тупик	5
Вера Анатольевна	20
Римма	38
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Тупик

Е. Ермак

© Е. Ермак, 2024

ISBN 978-5-4485-3665-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тупик

Хотя я совершенно обычный человек, так случилось, что мне довелось наблюдать совершение преступления и общаться с преступником довольно продолжительное время.

Чтобы преступить закон, нужно или находится в безвыходной ситуации или иметь необычайную твердость духа. Еще вариант, если человек является преступником от природы, он родился в такой среде и воспринимает преступление как повседневную и неотъемлемую часть жизни.

В моей истории преступник не был в тупике обстоятельств. Он скорее пребывал в тупике своих чувств. Переживания и постоянное от них напряжение привели этого человека к преступлению.

Сейчас, когда все позади, я могу спокойно поразмыслить о причинах того, что случилось. Могу разложить нагромождение случайностей по стопкам, распутать узелки отношений, сплести венок из увядших воспоминаний.

В моем повествовании основную партию играет долго, годами испытываемая зависть одного человека к другому. И эти люди самые обыкновенные, не кинозвезды, не богачи, люди, не выдающиеся ничем. Ничем для других. У них пустячные дела и маленькие трагедии. Хотя завистнику, как и ревнивцу не нужен повод. Необходима душевная работа, чтобы освободиться от своей зависти. А у этого человека

уже не было сил бороться с собой. Ведь его чувство не сразу дало свои мерзкие плоды.

Сидело где-то глубоко и подтачивало жизненные силы. Потом вырвалось наружу и стало крушить.

Вот уже второй год я работаю медсестрой в стационаре больницы города К. Новый коллектив, почти преимущественно женский, был для меня вначале непривычен, вызывал неприятные эмоции. Было в новинку злословие и непрекращающиеся сплетни. Стоило одному человеку выйти за дверь, тут же его могли начать обсуждать и даже осуждать за что-то. Да и прямых конфронтаций было немало. Изю дня в день девочки обвиняли в чем-то друга друга.

Со временем, правда, я поняла, что вся эта злость от их бесконечной усталости, недосыпа. Вот сегодня, допустим, я в паре с тобой работаю. И мы выискиваем ошибки медсестер, отсутствующих сегодня. Завтра ты работаешь с другой медсестрой и уже критикуешь меня.

Уверена, что это нездоровый коллектив. А наша начальница – старшая медсестра, настолько криклива, что предпочитаешь скрывать от неё какие-то вещи.

Хотя, в принципе, надо бы спрашивать у нее совета по рабочим моментам, но она и старшая медсестра. Проще утаить от нее какую-то проблему, дождавшись, когда недочет всплывет без твоего участия.

Как только я начала работать, коллеги-медсестры затребовали от меня быстроты, доктора – исполнительности, па-

циенты – участия. Все требовали, а я пыталась соответствовать, но в силу неопытности, не все получалось. Было обидно.

Думаю, от излишнего усердия, я заболела, не сильно, но мне нужно было уйти в тот день раньше. У меня поднялась температура, о чем мною было доложено старшей медсестре Вере Анатольевне, непосредственной нашей начальнице.

Вера Анатольевна, как часто с ней бывает, находилась не в духе. Иногда у нее просто чесались руки, как бы поубедительней проявить свою черствость. Она меня не отпустила домой. Я удивилась, когда Кристина решила попросить старшую медсестру отпустить меня.

Кристина – это моя коллега, старожил отделения, любительница устраивать конфликты и принимать в них живое участие, а то и играть главную роль. Я тогда подумала, как плохо разбираюсь в людях. Меньше всего помощи ожидала именно от нее. Я была ей очень благодарна. Кристина – внешне интересная женщина. Высокая, стройная, блондинка с короткой стрижкой, всегда ухоженная, с макияжем, неброским маникюром. Любит носить серьги, кольца, браслеты, часы, цепочки. Но при этом она не выглядит как новогодняя елка, все у нее продумано и со вкусом.

Есть в ней некоторая странная и беспричинная нервозность, суетливость. Ей 45 лет, она не замужем и бездетна. Снимает жилье. Кристина работает в отделении боль-

шую часть своей жизни. Работу медсестринскую может выполнять с закрытыми глазами, часто вмешивается в работу и других сотрудников отделения. Берет на себя излишнюю инициативу, от которой порой страдает и сама, и весь сестринской коллектив.

Конечно, доктору приятно, если где-то за него допишут, заполнят какой-то бланк. Доктор привыкает, а потом уже требует выполнения того, что должен был делать сам. Но Кристина любит чувствовать свою незаменимость. Ей всё прощается, так как она не может уже в силу своего опыта наделать очень грубые ошибки. Связей по всей больнице у нее не сосчитать. Врачи нашего отделения часто к Кристине обращаются. Кому талончик внеочередной достать, кому договорится о срочной консультации своего пациента. Старожил больницы, что тут скажешь.

Кристина – женщина необычная, человек-загадка. Возможно, у нее профессиональная деформация, и все ее странности вызваны длительной работой с людьми. И с людьми не здоровыми, как физически, так и психически. Пациенты, страдающие хроническими заболеваниями, часто лежащие в больницах, не могут сохранить здоровой свою психику. И вот Кристина каждодневно, на протяжении долгих лет, общается только с ними. Была бы у нее своя семья, смена деятельности, может тогда она не стала бы такой часто невыносимой. Кристина придирается к коллегам, оговаривает пациентов, не удовлетворена зарплатой. Впрочем, а кто удо-

влетворен... У Кристины родилась племянница, и вот нашей Кристине не нравится, как юная мать ухаживает за новорожденной.

Рядом с Кристиной, мне лично тяжело чувствовать радость жизни. Увы, она постоянный мой спутник на работе. И надо было учиться не принимать близко к сердцу ее особенности. Мне сложно ее понять. То вот она сидит и бормочет под нос ругательства. В очередной раз пациенты не поняли ее указаний. То вот она мило улыбается и помогает старушке открыть дверь в палату.

Перемены в ее настроении быстры как движение секундной стрелки. От чего они зависят, для меня тайна. Она неровный человек. Как говорит, одна наша медсестра, мужика бы ей хорошего. На что Кристина отвечает, что нынче мужик слабый пошёл.

Иногда, с Кристиной приятно поговорить. Чувствуется, что она не поверхностный и думающий человек. Но такой момент надо успеть подловить. Всё-таки основным фоном ее поведения является мрачная придирчивость. То время, когда Кристина в отпуске, коллектив медсестер вздыхает полегче, из сестринской комнаты слышится смех. А, впрочем, с исчезновением одного тирана, в некоторых коллегах начинают просвечивать доселе скрываемые черты, где есть и властность и грубость. Король умер, да здравствует король.

У нас в отделении есть еще один старожил – Татьяна Ива-

новна. У Татьяны Ивановны непростая судьба, тяжелое материнство, муж-пьяница. В 30 лет она родила ребенка, мальчик нездоров, с отклонениями в умственном развитии. Сейчас ему 17 лет и он не может самостоятельно себя обслуживать. Через некоторое время после рождения мальчика, Татьяна Ивановна перенесла операцию по удалению яичников. Как будто не смогла простить себя за рождение неполноценного ребенка. Муж Татьяну Ивановну не покинул, но радости от его существования в своей жизни она не испытывает. Муж выпивает, постоянно нигде не работает и служит для Татьяны Ивановны постоянным мальчиком для битья. С другой стороны, он всегда дома, за сыном присмотрит, кушать приготовит. Ну, а Татьяна Ивановна сделала целью жизни накопление денег на оплату сиделки сыну. Она много работает, замещает медсестер в других отделениях, ставит капельницы по соседям, делает уколы. Татьяна Ивановна хочет быть уверенной в том, что ее сын не пропадет и без нее. Она имеет цель, и четко к ней идет. Для ее достижения постоянно берет подработку. И не важно, что качество работы хромает. Бывает, Татьяна Ивановна засыпает на ходу после ночной смены, делает ошибки в документах, уходит раньше окончания рабочего дня.

Медсестра, которую поставили в смену с Татьяной Ивановной, знает, что ей предстоят тяжелые сутки. Придется работать за двоих. Ни у кого не хватит духу уволить Татьяну Ивановну. И она это прекрасно понимает.

Думаю, что началось все в тот день, когда сотрудникам для планового медосмотра надо было сдавать кровь на анализ. Врачи в нашем отделении не выполняют потенциально опасных манипуляций с пациентами. Кровь на анализ наличия инфекций они сдают поспокойнее, чем медсестры. Мы же каждый год в своем сознании переживаем маленькую смерть. Никто из медсестер не застрахован от несчастного случая на работе. Будь ты хоть сто раз опытная, однажды от усталости или невнимательности ты неловко ткнешь себя использованной иглой. Тут же побежишь взглянуть в историю болезни пациента. Увидишь его данные по инфекциям и успокоишься на время. Или не успокоишься. Ведь тут не чесотка, не простуда, тут пациенты и с гепатитом С и с ВИЧ могут быть. В очередной раз пролистаешь массу статей в интернете, высчитаешь свои шансы. И будешь спать спокойно. Или вообще не сможешь заснуть. Как повезет на этот раз.

Наступил и мой день, когда я впервые случайно поранилась об использованную иглу. С потерянным видом я сидела в коридоре, а проходящая мимо доктор нашего отделения сходу и без особого выражения спросила: «Укололась?»

– Я: «Да.»

И она побежала дальше на обход по палатам. Ну, конечно, пустяки, одной трагической судьбой больше, одной меньше. Докторам не привыкать. А у медсестры слишком много работы, чтобы долго об этом размышлять. И все постепенно

забывается, до следующей случайности.

Мы сдали кровь, поволновались, узнали результаты. Все было в порядке. Можно работать дальше. Справедливость восторжествовала. За помощь другим людям судьба и на этот раз нас не наказала. А надо сказать, в те дни в отделении у нас была пациентка с ВИЧ, но узнали мы об этом перед самой ее выпиской. Пациентка две недели получала у нас капельницы, ей выполнялись уколы и прочие сестринские манипуляции. Но бог миловал.

В медсестринской комнате оживление, обсуждаем отпуск Риммы. Римма худая и высокая девушка, «не в коня корм». Из тех, кто притягивает к себе неприятности и любит со смехом рассказывать о них. Первую часть отпуска Римма провела в огороде. Клубнику собрала, помидоры накрутила, дел хватало. А вторую часть отпуска Римма провела в кровати. Полезла обрывать яблоньку, ну и сиганула зачем-то на грядку с редиской. Хорошо отдохнула. Пара синяков и ссадин, и Римма готова к выходу на работу.

Римма замужем, молодая семья. Ребеночка хочет. Как говорит Татьяна Ивановна, все надо делать правильно и вовремя, хочешь детей, иди сначала анализы сдай с мужем, проверься, а потом уже и детей планируй. Римма уже пять лет ходит, проверяет. Не все так просто и кому, как Татьяне Ивановне этого не знать.

Римма приятная в общении. С ней хорошо работать в смене. Поболтать, посмеяться. Ее можно назвать светлым чело-

веком и хорошим напарником. Всегда поможет, разъяснит. До нашего отделения она работала в больнице у себя в пригороде с недоношенными детками. Насмотрелась всякого. И была до такой степени истощена, что ее мама сама забрала с работы ее документы. Не могла смотреть, как устает от работы дочь. Римма устроилась в наш стационар. Конечно, ездить ей на работу теперь далеко, но морально устает она гораздо меньше. Весомую часть дохода Риммы съедают расходы на дорогу из своего села в город К. И мы смеялись однажды с ней над тем, что надо бы ей переходить на другой транспорт. Ну, скажем, на велосипед.

Это ничего, что выезжать на работу надо загодя, если быть точным, то ночью надо выезжать. Зато к утру Римма свежа и хороша окажется на работе. На дорогу расходы сократятся, а уж вклад в свою физическую форму, так и вообще, не оценим.

Благодушную и спокойную обстановку в отделении нарушало только странное поведение старшей медсестры Веры Анатольевны. Не то, чтобы она слишком ворчала на нас или отчитывала больше обычного. Скорее даже она была равнодушна к работе своих подчиненных. Она просто была мрачная, может быть, чуть рассеянная, но лишней раз к ней подходить было боязно. В сестринской комнате за чаем мы гадали, что с ней.

– Ой, девчата, может она влюбилась? – со смешком предположила я.

– Угу, и станет теперь доброй и перестанет нас ругать по поводу и без повода, – Римма покачала головой, – боюсь, такого счастья нам не видать.

«Да...»: подумала я, «Это абсурд, чтобы наша начальница, не старая еще женщина, но настолько обремененная лишними килограммами и взрывающаяся от каждого пустяка, имела бы счастливую личную жизнь». Можно сказать, что это предубеждение, что толстушка нередко имеет кучу ухажеров, и это правда, но Вера Анатольевна приобрела всё же болезненную степень ожирения. Во время походки ее тело колыхается как желе, а со спины она напоминает корабль, медленно входящий в гавань. Смеяться громко и от души наша начальница не может себе позволить, начинает задыхаться от сотрясения своей гигантской грудной клетки. Иногда я думаю, но ведь она еще молода, ей нет и пятидесяти, а уже физически, кажется, просто не способна была бы на плотскую любовь. Однажды, меня обидел капризный пациент. Я по неопытности не смогла правильно выполнить ему инъекцию. Он заявил, что над ним ставят опыты и выскочил из кабинета. Вера Анатольевна для таких случаев посоветовала мне выстраивать вокруг себя стену самозащиты. Вот, наверное, она и построила вокруг себя оградку весом с тонну, а где-то глубоко внутри на самом деле Вера Анатольевна – ранимая одинокая женщина, сама себя лишившая права на насыщенную личную жизнь.

– Наверное, плохо себя чувствует от жары, у нее же дав-

ление скачет как бешеное, – закрыла тему о загадочном поведении шефини Кристина.

Кристина и Вера Анатольевна знают друг друга уже большую часть своей жизни. Пришли в отделение обе после училища. И обе не меняли никогда своего места работы. Для многих современных молодых людей это была бы каторга, каждый день на протяжении десятилетий ходить одними и теми же дорожками, видеть одни и те же стены.

Я по сравнению с ними просто «летучий голландец». Мало того, что я меняла места работы, так и неоднократно саму сферу деятельности. Я была секретарем, пыталась стать гидом-переводчиком, массажистом. Всегда хотела найти работу, которая бы приносила видимый результат, не была бы бесцельной. А Кристина с Верой Анатольевной из тех, кто не меняет своей колеи. Что бы ни случилось, где угодно, с кем угодно, в мире, правительстве, не важно. Пока существует наша больница, существуют и даже живут, можно сказать, в нашем отделении Кристина и Вера Анатольевна.

Когда старшая медсестра уходит в отпуск, Кристина ее замещает. Обычно это происходит в августе, в самое пекло. В городе К. в эти дни температура за сорок. Тогда сам выход на улицу сродни подвигу. Это также тяжело, как в лютый мороз. Организму все равно, от чего испытывать стресс, от холода или жары. Но северяне думают, что потеть комфортнее. По мне, так это неправда. Я жила в морозном климате, а вот теперь изнываю от жары на юге в городе К.

Настолько жарко, что болит голова, тошнит, все тело покрывается после душа моментально пленкой пота. Единственное, чего хочет разум и тело, так это сидеть по шейку в любом водоеме или дома в ванной. Но нужно ходить на работу, жизнь не останавливается. Сиесты в нашем краю не практикуются, а было бы неплохо.

В тот день старшая медсестра ушла необычно рано. Ушла тихо, чем-то озадаченная, как и все эти последние дни. Кристина уехала проведать малышку племянницу. Ну а отделение затихло. Доктора разбежались по домам. На ночь остались мы с Риммой и дежурный врач. У Риммы нарушения ритмов работы и отдыха. И когда ты остаешься в с таким человеком в паре на сутки, приходится считаться с этим.

Мне-то после возни с детьми в выходные и напряженной работы в отделении хочется запереться в сестринской комнате и скорее лечь спать. Спать с мечтой о том, что сегодня никакой бабуле ночью не потребуется померить давление или пожаловаться на громкий храп соседки. А у Риммы сна ни в одном глазу.

Пациенты спать легли, а Римма теперь свободна и она хочет есть. И она будет есть. Она девушка у нас хозяйственная, она достает свои многочисленные баночки с едой и приглашает меня к столу.

– Извини, Римма, я не буду.

Ладно, Римма не может есть одна, и хорошо, если доктор, дежурящий сегодня в ночь, не товарищ Риммы. А то пол-

ночи они будут есть, а я буду ждать, когда их застолье уже окончится.

Сегодня мне повезло. Этот доктор-дежурант – не поклонник ночных перекусов, и мы легли спать в нашей сестринской комнате. Днем мы в ней кушаем, а ночью отдыхаем. Только легли. «Здравствуйте, я ваша тетя!» Пациентка стучится, не может заснуть, дайте ей таблетку.

Мы: «Все назначения через врача, идите в ординаторскую. Что он назначит, то и дадим».

Она: «Ой, ну что вы, доктор наверное спит, что уж я его беспокоить буду».

Мы: «Он не спит, он дежурит».

Она: «Нет-нет, я пойду».

Ну, где тут логика? Ладно, разделись, опять легли. Три часа ночи, снова стук. Опять эта пациентка, и у неё новая проблема. В общем, неудачная ночь. А тут уже и утро, и у нас принимают смену другие сестрички, а мы собираемся домой и идем прощаться к старшей медсестре.

Вот, тебе – на! А Веры Анатольевны до сих пор нет. Ну странно. Отделение без начальницы. Что-то я такого не припомню. И кому нам докладываться, как прошла ночная смена?

Идем к сестре-хозяйке Зинаиде Александровне. К ней, конечно, мы идем только от жесточайшей необходимости. Нет сотрудника и пациента в нашем отделении, который с легким сердцем подходил бы к нашей сестре-хозяйке. Как

говорит моя мама, на эту должность берут, как под копирку в любом городе, в любом стационаре, в любом отделении самых что ни на есть отпетых злыдней...

Наверное, прямо требование в отделе кадров такое к этой вакансии. Надо быть злобной, хамоватой, неприятной наружности. А иначе, вы нам не подходите. Наша сестра-хозяйка всегда всё про всех знает. А уж про Веру Анатольевну точно. Что связывает нашу престарелую сестру-хозяйку и старшую медсестру один бог знает. И вы ни за что не поверите, что одна над другой начальница.

Зинаида Александровна хоть и работает, является пенсионеркой. Ей ближе к семидесяти, выглядит она бодрячком. Всегда энергична, в любое время дня и ночи готова вступить в ожесточенную перепалку с пациентом. Этим глупышом, который решил попросить второе одеяло или сменить постельное белье. Со старшей медсестрой Зинаида Александровна чаевничает и покуривает.

Возможно, их объединяет наделенность властью. Сестра-хозяйка властвует над санитарочками, а наша Вера Анатольевна управляет нами, медсестрами. Эти два персонажа – просто худшие образчики того, какими руководителями быть не надо.

Хотя это с моей точки зрения как подчиненного. Их царствование держится не на уважении, а на страхе быть обруганным.

Что об этом говорить? Даже на врачей они покрикивают,

если возникнет в том нужда. Наши интеллигентные врачи робеют, когда сталкиваются с грубостью. Но все уже давно к этому привыкли и смирились. Отделение функционирует, вот и ладно.

А нашей шефине сегодня что-то не наблюдается. Зинаида Александровна сказала нам, что Вера Анатольевна захворала и не придет.

Вера Анатольевна

Вера Анатольевна медленно высунула из машины ноги, и несколькими рывками тяжело вылезла из салона. Достала с пассажирского сидения большой пакет с продуктами, щелкнула кнопку на пульте сигнализации и двинулась к подъезду.

«Боже, этого просто не может быть. Ну, что за бред. Я уже давно не выполняю такую работу. Или это проявилось только сейчас?»: одни и те же слова вот уже несколько дней звучали в голове, не давали спать, работать, думать. После первого шока наступило какое-то оцепенение. Люди вокруг будто шевелили беззвучно губами как рыбы в аквариуме у Веры Анатольевны.

В лифте она долго искала ключи в своей сумке. Поднялась на свой этаж, открыла дверь в квартиру, откуда на нее ветерок выдул привычный застоявшийся запах сигарет. Зашла, тяжело опустилась в прихожей на пуфик, открыла пакет и начала разворачивать упаковку конфет. Тут же, не снимая даже обувь, начала поглощать одну за одной конфеты. Не прислушиваясь к их вкусу. «Какая разница? Ассорти? Все равно, лишь бы забить едой мысли! Отвлечься! Ну почему, почему я?».

Захотелось пить. Вера Анатольевна разулась, прошла в маленькую кухню. Налила стакан воды и жадно его вы-

пила. Водрузила пакет с продуктами на стол и стала вынимать из него то, что накупила в супермаркете. Автоматически раскладывала по местам. «Ага, колбаса, сыр, мороженое, так это – в холодильник. Три коробки зефира, полезное лакомство, особенно если бы не было покрыто глазурью, да и коробка была бы одна. К черту очередную бесполезную диету, смешно, да и повод просто отличный, чтоб наесться до ушей. Так, где мои сигареты?».

Вера Анатольевна считала элегантным занятием свое курение. Сядет в кресло перед телевизором, тут же рядышком телефон на столик положит, тут же и кофе чашечку, и давай смолить одну за одной. Манерно оттопырит мизинец на пухлой руке, поднесет ко рту тоненькую дамскую сигарету, обведет глазами две прокуренные донельзя комнаты. Эх, рабочая неделя закончилась. Впереди выходные. Полный холодильник, жизнь удалась.

А если еще и любимый племянник позвонит, то и чувство своей нужности приятно разнообразит день.

Да уж! Последние дни Вера Анатольевна курила без удовольствия, уставившись в телевизор, стараясь не думать ни о чем. Забывая голову чем-то нейтральным. «Надо бы пропылесосить»: вяло промелькнула мысль. «Но зачем, гостей я не жду».

В этой квартире, купленной на средства своих родителей, редко появлялся кто-то, кроме самой хозяйки. Поэтому, сейчас, когда раздался звонок, Вера Анатольевна не сразу по-

няля, откуда этот резкий звук, и что надо делать. Потушив сигарету, она пошла к двери. Посмотрела в глазок, открыла дверь.

– Ты? А что случилось? Зачем вино? Утешить меня? Откуда знаешь? – раздраженно выпалила Вера Анатольевна. – Через неделю придет точный ответ, я ничего не боюсь! – Уже всхлипнула она и посторонилась, впуская неожиданную гостью.

Вера Анатольевна знала, что наутро ей станет стыдно и за излишнюю откровенность и за жалость, которую она видела в глазах не прощенной посетительницы. Но ей хотелось хоть на время остановить поток однообразных мыслей в своем сознании. Она давно не пила вина и быстро опьянела.

Заплетающимся языком пыталась что-то говорить, но не было ни сил ни желания продолжать разговор. Против воли Вера Анатольевна испытывала к собеседнице благодарность за неожиданный визит. Уже засыпая, Вера Анатольевна, поймала на себе напряженный взгляд гостыи и лениво подумала, зачем всё-таки та пришла.

Утро было непривычно серым. Солнце не могло проникнуть сквозь густые тучи, но его жар чувствовался. Парило сильно. Шесть утра, а уже как в бане. Голова у Веры Анатольевны гудела, но впервые за последние дни горькие мысли сменились другими. И неизвестно, какие мысли лучше, думала она.

После редких случаев, когда Вера Анатольевна накануне

вечером перебирала со спиртным, всегда приходило раска-
яние. Хотя ей и не было необходимости винить себя за ка-
кие-то поступки, утром всегда было стыдно за несвойствен-
ную ей в трезвом виде искренность и сентиментальность.
Страшно было от того, что могла показать, где ее слабые сто-
роны, что может ее ранить.

А тут еще могло быть нарушение субординации. И пусть
они давно друг друга знают, они – по разные стороны барри-
кад. Не надо было давать слабину. Хотя пока не прояснится
мучивший Веру Анатольевну вопрос, ей, по большей части,
безразлично, кто и что подумает. На работу идти она не со-
биралась. Сказавшись больной, Вера Анатольевна намерева-
лась поехать к племяннику. Ближе к вечеру, как спадет жара.

Она смутно припоминала, что вчера, когда пила вино,
делилась с посетительницей своими планами на сегодня.
Вспомнила, что перед уходом гостя помыла посуду, посте-
лила даже ей кровать, как смотрела на Веру Анатольевну, ко-
гда думала, что та спит. Какое-то непонятное чувство охва-
тило Веру Анатольевну, когда она представила тот взгляд.
Захотелось поежиться, несмотря на духоту, идущую с улицы.

Непривычно было в будни оставаться дома. По телевизору
ничего интересного. Любимый турецкий сериал показы-
вали только по выходным. Вере Анатольевне нравилось рас-
сматривать костюмы актеров, макияж актрис, нравилась ис-
тория любви, интриги этого сериала. Всю неделю она ждала
показа очередных серий. Заранее готовилась, покупала се-

бе сладости, выставляла на журнальный столик всё, что ей может понадобиться. А потом сидела три часа, не вставая даже во время рекламы, боясь разрушить атмосферу погруженности в жизнь героев.

А сейчас заняться было решительно нечем. Всё валилось из рук, после вчерашнего вина хотелось пить, не переставая, а она и так летом вечно отекает. Ноги к вечеру превращаются в колонны.

Еле дождавшись вечера, Вера Анатольевна позвонила племяннику и, ужасно боясь отказа, предупредила о своем приезде. Конечно, думала она, парня понять можно, если бы он сказался занятым. Но в любой другой день. Сегодня ей просто невыносимо быть одной. Можно притвориться строгой тетушкой и проинспектировать его съемную квартиру. А вдруг там бутылок из-под пива тонна или девушку привел вместо того, чтобы заниматься. Или вообще, все вместе: и бутылки, и девушка.

Вера Анатольевна спустилась на первый этаж, вышла из подъезда. Привычным взглядом ощупала свою новенькую машинку, щелкнула пультом и, еле переставляя ноги, поплелась в ее сторону. Было уже семь вечера, но жара и не думала отступать. Одно облегчение: солнце перестало слепить глаза. По дороге к племяннику заехала в супермаркет, не гоже с пустыми руками мальчишку беспокоить. Вроде и купила пустяков, но когда подошла к кассе, поняла, что одним пакетом не обойдется.

– Ну вот опять! – подумала она, – «зла не хватает!». – Ладно, хоть не зря навещу его, холодильник заполню, суп сварю. Что взять с этих мужчин!

За кассой сидел молодой человек. «Как непривычно, обычно девушки работают кассирами», – подумала Вера Анатольевна. «Вот парень сам себя обеспечивает, не то, что ее родной племянник. И жилье ему снимают и за учебу, если надо приплачивают. Не бедствует он, и нет ему нужды работать, пока он учится. Семья обеспеченная».

У них свое хозяйство в доле с Вериными родителями. Вера Анатольевна тоже и машину себе смогла позволить с их помощью, и квартиру купить. «Ну, а парень за кассой таких родственников явно не имеет. Что ж, у каждого своя судьба», – философски подумала она.

Когда племянник открыл дверь на ее настойчивый звонок, Вера Анатольевна кинулась на бедного мальчишку, расцеловала в обе щеки, взъерошила волосы. Как хорошо иметь семью! Ведь это ее семья. Сын сестры. Она его нянчила, читала ему сказки, гуляла с ним, пока сестра-красавица устраивала свою личную жизнь. Когда это обустройство закончилось, Вере Анатольевне стало горько – больше она не нужна. И тогда она ударилась в работу. Из постовой медсестры стала старшей сестрой отделения – не самая впечатляющая карьера, но у кого-то и такой нет. А тут вроде племянник подрос, и тетушка опять понадобилась.

Кто присмотрит за мальчиком, пока он будет корпеть над

университетскими книгами. Как мальчишка один справится с соблазнами большого города?

– Теть Вер, ты прям осунулась, что стряслось? – непривычным даже для самого себя баском, спросил парень.

– Запарка на работе. Не бери в голову. А ну, давай кастрюлю, борщик изображать будем. «Бальзам на сердце, я не одинока», – подумала Вера Анатольевна и ещё жальче себя стало. «Если у меня ВИЧ, не сладко придется и сестре и родителям».

Вера Анатольевна устало прикрыла глаза. Унеслась мыслями в свое детство. Она никогда не была худышкой, не то, что младшая сестра. Родители не упускали случая сравнить девочек. Не со зла они, конечно, это делали. Но что толку, чем красивее становилась младшая сестра, тем жестче были сравнения не в пользу юной Верочки. Верочка заедала вареньем свою печаль. И мечтала заслужить похвалу родителей. Она помогала по хозяйству, присматривала за младшей сестрой, ездила с отцом на рынок. Торговала с ним за одним прилавком. Однако младшей сестре все доставалось без труда. Если она балуется, ей грозят пальчиком. Если балуется Вера, ее ставят в угол. Несправедливо. Если младшая сестрѐнка насорит, Вера уберет за ней, само собой разумеется. Если начнет убираться младшая, отец упрекнет мать: «Ты что уборщицу из нее растишь!»

Разное отношение к девочкам, и разная судьба им уготована. Верочка хорошо училась, старалась в тщетной попыт-

ке заслужить побольше любви. Младшенькая же не утруждала себя излишней учебой, была окружена кавалерами, беззаботна. Беззаботно училась и веселилась, беззаботно нагуляла дитя. Легко выносила, легко родила. Легко скинула ребятенка родителям и сестре, и уехала в город продолжать весело и ненапряжно жить.

Хорошо, что встретился на ее пути серьезный ухажер, которого не отпугнул ни ребенок, ни легкомысленность девушки. Полюбил он её и замуж взял, и мальчишку усыновил. Вот так вот все просто. Благо сестра Верочки повзрослела к тому времени и оценила.

Вера Анатольевна посолила борщ и сняла кастрюлю с огня. Кухня в квартире была маленькая. Вера Анатольевна могла сесть в центре кухни на стул и руками доставать что угодно с любой стороны, даже не вставая. Смешно! Квартира для лилипутов. Не «гостинка», а как теперь говорят – студия. Все есть в квартире, но все миниатюрное. Вера Анатольевна не смогла бы здесь развернуться. Ничего, зато парень не в общежитии ютится, а живет в отдельной квартире. «Небось, у себя на курсе считается завидным женихом. За ним глаз да глаз да глаз нужен, уж очень он наивен и бесхитроsten, весь в свою мать», – размышляла Вера Анатольевна, «а всё потому, что без усилий, легко пришло и легко уйти может», – но она этого не позволит, уж она знает, как надо вгрызаться в своё.

Не зря она приехала: и отвлеклась, и племянника досмот-

рела. Есть повод и сестре позвонить, отчитаться. Хотя уже сил для этого просто не наскрести. А вдруг она не выдержит, разревется, откроется сестре. Тяжело хранить молчание, мучиться неизвестностью. И так еще несколько дней. Ведь ошибки бывают, поэтому и порядок такой, надо подтвердить или опровергнуть. Господи, только бы опровергнуть.

Вера Анатольевна глянула в окно и обрадовалась: уже глубокий вечер. Можно ехать домой. Дороги полупустые.

– Пока, племяшка, не провожай, я уже большая девочка, – она поцеловала его в щеку и открыла дверь.

В подъезде было темно. «Ещё ноги не хватало переломать», – удачно хоть, что парень жил на первом этаже. Если бы Вера Анатольевна могла, она бы бегом выбежала на улицу. Уж больно жутко и тихо, только слышно свое собственное тяжелое дыхание. Но она вынуждена идти осторожно и медленно, напрягая зрение.

От непонятного страха все тело как натянутая струна, того и гляди душа выпрыгнет из горла. Вроде и не робкого десятка, и тысячи раз возвращалась отсюда домой в такое время. Только последние дни как-то все не по себе, мысли темные и тоскливые.

Шутка ли, нашли в ее крови антитела к ВИЧ. Вера Анатольевна только на заре своей карьеры в отделении делала уколы. Поэтому она надеялась, что ошибка произошла, поэтому старалась не поддаваться панике. И знала, что такое бы-

вает, могли перепутать анализы. Человеческий фактор никто не отменял. Да что угодно могло произойти. Поэтому и инструкции такие, что необходимо подтвердить полученные результаты неоднократно.

«Слава богу: ступени закончились», – дверь резко рванула на себя, – подъезд позади. Ночной город, людей почти нет, гул редких машин, свет фар мечется от предмета к предмету, выхватывая причудливые очертания.

Наконец-то можно вдыхать прохладный воздух. Вроде и приятно идти неспешно одной, ни к кому не бежать, не быть необходимой для кого-то. Но недолго, не навсегда. На улице, конечно, надо постараться, чтобы почувствовать свое одиночество. Кругом масса людей, домов, окон, за которыми пульсирует чья-то жизнь. А вот в квартире, увы, если не шумит телевизор, и голова не забита рабочими моментами, бывает навалится тоска, непрямые мысли о стакане воды, который никто не подаст, и о смысле существования.

Добралась до дома в два раза быстрее. Поднялась на лифте. Вставила ключ в замок, повернула, и с удивлением поняла, что дверь не заперта. По ногам тут же побежали мурашки, лоб покрылся испариной. Она не помнит случаев, когда забывала закрыть дверь на замок. В подъезде тихо, ночь. Пока стояла, думала на что решиться, ноги коснулось что-то живое. Вера Анатольевна взвизгнула. Краем глаза увидела убегающую соседскую кошку. «Тьфу, ты чёрт,» – звук соб-

ственного голоса привел ее в чувство, и она толкнула дверь вперед.

Свет горит, в комнатах бардак, на пол вывалено все содержимое большого шкафа с зеркальной дверью. Ящички на кухне все выдвинуты. «Господи, что искали то, соль?». Какое-то состояние нереальности происходящего, как во сне. Может, это один длинный, чудовищный сон, объединивший сразу несколько ночей? Такое чувство, что кто-то надругался прямо над ней самой, а не над вещами. Они и раскиданы и даже разрезаны.

Вон, ее рабочий белый халат валяется, истерзанный, пуговицы оторваны с мясом. Какое-то зверство. Страшно стало. Надо прежде всего проверить комнаты, балкон и запереться скорее. Хотя это нелогично, ведь кто-то вскрыл замок. Каждый сантиметр в квартире подвергся чужой злой воле. Зеркало в прихожей разбито, книги скинуты на пол, посуда на кухне частично уничтожена, косметика в ванной раскидана.

Вера Анатольевна беспомощно оглядывалась, а когда коснулась взглядом аквариума, захотелось кричать. Воду кто-то спустил. Рыбки лежали брюшком вверх и плавники безвольно распластались вокруг туловища. Какой ужас! Зачем их то было губить! «Не вор это был, маньяк какой то»: от этой мысли кинуло в жар. Схватила мобильный, набрала полицию. «Меня ограбили, только что зашла в дом, приезжайте скорее, я боюсь».

Вера Анатольевна тяжело присела на диван и боясь пошевелиться, стала дожидаться помощи. Дом ее был не старым, но в связи с активной застройкой вокруг него, оказался самым древним среди новостроек. Три года дому, но он уже для других домов почтенный возраст имеет. Новостройки не заселены и, возможно, не сданы. Они выше дома Веры Анатольевны. И она себя ощущала как на дне колодца. А теперь сидела под пристальным взглядом темных пустых окон, со всех сторон окружавших ее. Ощущала взгляд, пропитанный ненавистью.

Скорее бы приехала полиция. Прошел час, два. Вера Анатольевна потеряла счет времени. Звонок, тут же распахивается дверь. «Оперуполномоченный Геннадий Ляшко, добрый вечер», – несмотря на поздний час энергичный молодой человек быстрым шагом зашел в квартиру.

Вера Анатольевна вздрогнула, она так долго и терпеливо ждала, что уже и не верила в приезд полиции.

– Вас что одного прислали? – вместо приветствия спросила она.

– А вам что меня мало одного? Заявление писать будете? – поинтересовался оперуполномоченный. На лице ни капли заинтересованности, только скука и нескрываемое желание поскорее уехать обратно в участок.

– А что есть варианты? – удивилась Вера Анатольевна. – Вы что не видите, в каком состоянии моя квартира?

– Варианты есть всегда. Скажем, к примеру, это ваш муж

или сожитель обозлился на что-то и устроил тут бардак, – голос оперуполномоченного стал тихим и почти нежным. – А может у вас было дурное настроение, и вы решили слегка встряхнуться, – вкрадчиво продолжил он.

– Вы что издеваетесь?, – взвилась Вера Анатольевна, – посмотрите на аквариум, рыбы мертвые! Вызывайте подмогу, я напишу заявление!

– Ну, что же, не хотите спать сама и соседей будить желаете, ваше право, – скучающим тоном произнес мужчина. Достал телефон из кармана брюк.

– Алло, Евгений Петрович, у нас тут ограбление, давай группу и криминалистов захвати, пусть пальчики поищут.

И эта бесконечная ночь продолжилась, затем плавно перетекла в утро. А к обеду было написано столько бумаг, опрошено столько людей, что голова у Веры Анатольевны, а заодно и у ее соседей шла кругом. Выяснилось, что никто ничего не видел, никто ничего не знает. Никто никого не подозревает. Кроме того обнаружена пропажа большой суммы денег, всех мало-мальских ценных украшений. Составлены многочисленные списки, описания, предоставлены документы, сертификаты. И даже была приглашена собака, но из-за ее загруженности другими делами, пса решено не вызывать.

Вера Анатольевна сидела на диване с очумелым видом, смутно уже догадываясь о том, что не было смысла затевать всю эту ловлю блох. Но тут ей пришлось в голову обратить внимание сотрудников полиции на необычную, как ей казалось,

жестокость вора. И дело тут не в рыбаках. А в бессмысленно созданном хаосе.

Ну не нашел вор миллиарды, зачем зеркало то разбивать, разбрасывать помады, выдавливать кремы из тубиков, выковыривать тени и сухую пудру? Вера Анатольевна любила краситься. Накладывала макияж со знанием дела. И тон, и румяна. Каждое утро рисовала лицо. Тело не украсишь, так хоть лицо можно корректировать и перекрашивать на свое усмотрение. И серьги носила, и прическу делала, и цепочки одевала. Где теперь все это, в каком ломбарде...

– Геннадий, я хотела бы вам что-то сказать, – Вера Анатольевна с трудом покинула глубины своего дивана, подошла к оперуполномоченному. Тот недовольно к ней обернулся.

– Слушаю? Вы что-нибудь вспомнили, интересное для расследования?

– Понимаете, Геннадий, – непривычно было Вере Анатольевне говорить просящим голосом, но что делать, ей было жутко оставаться наедине со своими мыслями, – Я понимаю, у вас, наверное, свои соображения, но я бы хотела обратить ваше внимание на то, с какой злостью орудовали в моей квартире и на то, что замок не взломан.

Неужели бы преступник хотел, чтобы его поймали, ведь он так много времени потерял, зачем-то выдавливая кремы из тубиков и разбивая посуду в кухне?

– У вас были запасные ключи от квартиры? – спросил Геннадий и потер воспаленные от недосыпа глаза.

– Да, одни у племянника, а другие вот на комодe в прихожей как лежали, так и лежат.

– Племянника давно видели? – вдруг заинтересовавшись, спросил оперуполномоченный.

– Но, я же вам уже говорила, я вчера весь вечер провела у него. Вы же записали! – повысив голос, раздраженно ответила Вера Анатольевна.

– Мы опросим вашего родственника, не волнуйтесь, – тоже повысив голос, произнес Геннадий.

– Но я же уже сказала, он не причем!

– Мы все выясним. Может, ему срочно понадобились деньги, появилась подозрительные друзья, кому-то задолжал, ведь вам он не расскажет. Вы для него на другой волне, из другого поколения.

«Ну, зачем она полезла со своими доводами, теперь к мальчишке прицепятся!»: подумала в отчаянии Вера Анатольевна. У нее и мысли не возникло, что племянник может быть замешан в чем-то криминальном. Она хорошо его знала и сумела бы заметить изменения в его поведении. А для этих полицейских все вокруг враги. Будут трепать нервы и ему и мне. Ведь все равно ничего они не найдут, такие преступления практически не раскрываются. И у нее ничего не застраховано. Может, забрать заявление надо было, как исподволь советовал вначале Геннадий. Зачем им лишнее нераскрытое преступление.

А теперь вот машина запущена, и назад пути нет. Про-

делана большая и по ее мнению бессмысленная работа по опросу возможных свидетелей. Ранним утром были взяты показания понятых из числа ее соседей. Но трудно вообразить себе какого-то тайного врага, который за что-то отомстил бы Вере Анатольевне. Жизнь она вела неприметную, тихую. Никому дорогу не переходила. Да и о чем тут говорить. Она, что в нефтяном бизнесе работает или владеет заводами-пароходами?

Конечно, характер у нее не сахар. Но что, отомстили за ее злой язык? Смешно, если бы не было так грустно. Одно понятно, надо менять замок и разгребать весь бардак, устроенный неизвестным. Или неизвестными. От этой мысли ей стало дурно.

Только в три часа дня полицейские ушли. А Вера Анатольевна с удивлением поняла, что ни разу за последние часы не вспомнила о своих анализах. Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Впереди уборка, такая, что ей и не снилось. А там уже дополнительные результаты ее анализов будут готовы. Дневной свет рассеял унылые мысли и, несмотря на бессонную ночь, Вера Анатольевна взялась за дело. Прежде всего она вызвала слесаря из домоуправления, выдала ему денег на новый замок и за труды.

Затем нашла на кухне черные крепкие пакеты для мусора и начала складывать туда то, что безнадежно испорчено и восстановлению, увы, не подлежит.

Стараясь не пораниться об осколки, Вера Анатольевна, убиралась в кухне. Наклонившись за веником, она чуть не потеряла сознание. В глазах потемнело, появился звон в ушах. Трясущейся рукой она ухватилась за ручку на дверце холодильника. «Что со мной? Да это от голода! Она же не ела с утра и не пила, хотя нет, чашек пять кофе-то она выпила вместе со всей полицейской братией. Иначе бы она просто не пережила бы эту ужасную ночь».

Медленно, ощупывая руками стул, Вера Анатольевна села за стол. Придя в себя, она подошла к холодильнику, достала яйца, сыр, масло. Приготовила себе яичницу, нарезала бутерброды с сыром, сварила кофе. Эх, жизнь налаживается.

Уничтожила еду с огромным аппетитом и не менее огромной скоростью. Закурив сигарету, почувствовала, как ее тянет в сон. Она знала, если поддаться сейчас требованию организма, то к позднему вечеру, когда она проснется, у нее будет жутко болеть голова, а всю ночь потом ей не удастся заснуть. Поэтому Вера Анатольевна, чтобы взбодриться, решила принять прохладный душ. Конечно, контрастный душ был бы предпочтительнее, но на такой подвиг пойти она не могла.

Подняла с пола скомканное полотенце, домашний халат и отправилась в ванную. Она и не заметила, что тут тоже разбито зеркало. Из его глубин на нее смотрела незнакомая женщина. Трещины исказили изображение так, что нельзя было узнать в этом зеркале себя. Возникло неприятное ощущение

присутствия незнакомого человека. Тем более, что несколько часов назад здесь в ванной был чужак, трогал ее вещи, рассматривал интимные ее принадлежности.

Ужасно. Пытаясь не думать об этом и избегая смотреть в зеркало, Вера Анатольевна принимала душ. Непрошенные мысли полезли в голову. Что же все-таки случилось? Кто влез в ее квартиру? И главная: какой ее ждет завтра результат анализов?

Римма

– Девочка, моя, не плачь, маме совсем не больно, – ласковый голос матери не мог успокоить Римму. Она собственными глазами видела, как мама выпила сразу несколько таблеток. А ведь каждый знает, если пьешь таблетки, значит, что-то болит. Кто же будет для удовольствия глотать горькие лекарства?

Римме всего три года и она уже точно знает, что самый дорогой ей человек – это мама. Когда мама лежала в больнице, Римма очень переживала, вдруг мама исчезнет и больше не вернется. Ведь когда пропала курочка, кролик и их пушистый щенок Матвей, бабушка сказала, что они уехали в больницу лечиться. Но они больше никогда не вернулись.

А Римма каждый день заглядывала в курятник, клетку для кроликов и будку во дворе. Однажды в будке кто-то заворчался и Римма закричала:

– Матвей, ты вернулся, ура!

Но потом рассмотрела обитателя будки, то оказался ёжик. Римма видела в своей книжке такой колючий комок, и мама назвала комок ёжиком. Ёжик зашипел, когда Римма хотела его погладить. Она испуганно отдернула руку и побежала жаловаться бабушке.

Пока мама была в больнице, самым дорогим человеком для нее становилась бабушка. У бабушки забот много. Свой

дом, как конструктор «Лего», постоянно надо что-то в нем подправлять, усовершенствовать. Когда дед еще помогал, хоть рамы оконные красил, не допускал, чтобы они облезали. Говорил, что дерево краску любит. Дом выглядел опрятно. Теперь дед не помогает. Большую часть дня он лежит на диване.

Когда приходят гости, диван стараются отодвинуть подальше к стене, а вместе с ним и деда. Вся семья привыкла к такому его времяпровождению. По большей части относятся к нему как к предмету мебели. Но иногда у деда появляются деньги, то ли бабушка не успела вовремя забрать его пенсию, то ли объявился какой-нибудь забытый всеми его приятель-собутыльник. И тогда дед покидает свой диван и отправляется на приключение. Его приключение заканчивается всегда у калитки собственного забора, где он лежит не в силах дотянуться до крючка на двери.

Однажды в самый разгар своего загула, дед, проходя мимо Риммы по улице, даже не узнал родную внучку. Римма поздоровалась с ним и не услышала ответа, а в глазах не увидела узнавания. Ей было неприятно, тем более ей было тогда лет 13, и она шла с подругой. Что ж, теперь содержание дома в божеском виде полностью на бабушке. Она энергичная, всё горит в её руках. А тут еще огород, теплица, куры, утки. И всё хочется сделать идеально. На внучку времени почти нет. Пусть ее мать сама растит.

Она-то вот, когда была молодая, всё успевала, дочери уxo-

женные, накормлены-напоены, банты белые, школьные фартуки выглажены, туфельки вычищены. Белоручек растила. Сама всё и по дому и на огороде делала, да еще и работала на ответственной должности, в администрации колхоза. Сейчас колхоз развалился, а раньше одним из лучших в Союзе был.

Богатые поля, виноградники, теплицы. Земля жирная, ки-нешь зернышко, оно сразу возьмется. Край подсолнухов. Желтые моря с черными кружками из семечек.

Во времена перестройки виноградники повыврубали. Колхоз разграбили. А бабуля ушла в торговлю. Выращивала овощи, фрукты, зелень, продавала. Растила цыплят, кроликов, забивала, отвозила на рынок. Яйца, молоко, сыр, всё, что давала своя земля. А девчонок своих жалела, не хотела раньше времени загружать, думала вырастут, замуж повыскакивают. Ещё хватит на их век стирок да глажек с готовкой.

Но видно зря она так думала. Надо было с детства к хозяйству им привыкать. Старшая дочка в городе живет в квартире, сына растит без мужа. А младшая с ней живет, тоже безмужняя. Какое у них хозяйство? Так, одно название. В городе квартиру пять минут убрать. Ну, а младшая дочка всё болезненней с возрастом становится. Сейчас вот гриппом ухитрилась где-то заразиться. То одно, то другое. А Римма на ней, на бабуле.

Не повезло девчонкам с мужьями. Старшая и замужем не была, а младшая через год развелась. Молодой муж пья-

ный часто ходил, руку на жену поднимал.

Невдомек бабушке, что дочери только таких мужчин и выискивают, что на их отца похожи. С другими мужчинами отношения завязывать не умеют. Непьющий мужчина для них, как инопланетянин. Что с ним делать? Какой повод найти, чтоб страдать?

А у бабули муж был красавец в молодости, она его холила, обстирывала, обглаживала, к уюту домашнему приучала, подлеца такого. Думала, что от идеальных жен не уходят. У нее же всё под присмотром, под контролем. Девочек в уважении к нему воспитывала. Как отец сказал, так и будет. В общем, хозяйка была с большой буквы. И действительно, муж не уходил. Хотя и гулял частенько. Ну, что ж такого, у всех гуляют, подумаешь! От тотального контроля бабули еще и выпивать начал. Только пьяный забывал он осуждающий её взгляд, стерильную чистоту их дома, сплетни соседей. Вроде и интересуется им жена: «Где был, что ел, о чём думаешь?». Но все вопросы звучали так навязчиво, он еще и подумать ни о чём не успел, а уже вопрос: «О чем мечтаешь?» Казалось, что любой ответ будет использован против него. И главное, если думы его и мечты отличались бы от нормальных, по мнению бабушки, пришлось бы еще выслушивать ее нравоучения. И это ему, взрослому мужчине!

А теперь лежит он, старик, спрятанный от посторонних на своем диване, не нужный ни бабушке, ни дочкам своим. А жизнь уже давно помахала из последнего вагона ему руч-

кой. И ведь никто ни в чём не виноват. Всё надеялся, что запрыгнет он в последний вагон.

Может, в городе проще было бы уйти из семьи, но здесь в колхозе не утаишься. Не дали бы житья. Да и бабуля боролась за него, как за знамя с надписью

«Я – мужняя! У моих дочерей отец есть!» Да, лучше бы его и не было. Это сейчас бабушка так думает.

И когда младшая дочка в синяках к ней прибежала, сама же ей подать на развод посоветовала, хоть так этот порочный круг надорвала. И время изменилось, теперь никого разводом не удивишь. Уже не считается дурным тоном развод через полгода после роскошной свадьбы. Еще толком родители не успели рассчитаться с долгами, взятыми на свадьбу своих инфантильных детей, а молодожены уже разъехались давно. Бабуля сама жизнь свою личную упустила, так пусть дочка не по ее стопам пойдет. Дочка пыталась еще пару раз найти мужа, но притягивала к себе она по-прежнему не тех. Потом плюнула и убедила себя, что нет для нее хороших мужчин.

Ну хоть у Риммы детство спокойнее, чем у них с сестрой было. На людях-то родители держали марку: всё тихо-ладно, красавец муж, жена-активистка, послушные дочки. Но дома маски сбрасывались, муж за рюмку, а жена за скалку.

– Ты где был, такой-сякой!? Какой пример детям показываешь? Опять по бабам шлялся, разгильдяй! – орала бабуля, – и всё равно ей, если честно, где он был, всё к нему дав-

но перекипело, но она же должна реагировать, как положено хорошей жене в её понимании.

– Перестань, с мужиками в гараже был, ну что ты в самом-то деле прикопалась ко мне, дубина! – привычно огрызнулся дед.

– Дубина? Сам ты – дубина! Бесстыдник несчастный! – кричала бабушка.

И так каждый божий день. Ссоры и скандалы составляли для супругов насыщенную семейную жизнь. А что до девочек, которые так и не смогли привыкнуть к бесконечным выяснениям отношений? Так это родители их к жизни готовили. А вы что думали? Всё девочкам во благо. Римма вся в маму, здоровьем не блещет. Худенькая, высоконькая, хрупкая, с плохим зрением. Пока старшие не могут заняться Риммой, она прекрасно обходится и без них. У нее есть шкатулка, куда взрослые кладут пуговицы. И бывают там такие красивые экземпляры, с золотым или серебряным ободком, с перламутровыми разводами, мелкие с завитками, крупные скучные пуговицы от пальто, элегантные пуговички от женских блузок. И все эти сокровища Римма может перебирать часами, представляя вместо них человечков, которые кружат в вальсе.

Еще в шкатулке лежит волчок, Римма пытается неуклюжими пальчиками раскрутить его. Когда ей это удастся, она весело хохочет. Вообще, она смешливая девочка, хоть и бывает иногда слишком обидчивой. Бабушка, зная такую

ее черту, говорила, что Римме тяжело будет в жизни с таким характером.

Римма была участливым ребенком, всех жалела, всем помогала. И профессию выбрала, где ее качества нужны. Конечно, со временем Римма огрубела, и от усталости может быть черствой с пациентом, но это редкость.

Ещё в детстве Римма хотела быть мальчиком. Ей казалось, что отец бы больше любил ее, бросил бы пить. Она думала, мальчишкам жить гораздо легче. Можно быть чумазым, драчливым, крикливым, и никто не скажет тебе: «Фи, какая неопрятная и невоспитанная, ты же девочка!» Мальчишку за проступок, конечно, и побить могут. Но хотя бы нотаций длительных читать не будут. Они для Риммы были хуже всего.

И как назло, у отца ее уже в другой семье, с другой женщиной сын родился. Римма страшно к мальчику ревновала. И завидовала. У мальчика папа есть, а у нее – нет. И отец тогда повзрослел, стал серьезнее, пьянки ушли в прошлое.

Ну почему Римма родилась девочкой? На крестинах Римме дали подержать малыша за крохотную ручку. От волнения Римма сжала ее чересчур крепко, малыш заплакал. Испуганно она оглянулась, никто не заметил? Больше она к нему в тот день не подходила. Боялась показать свою ревность к нему и зависть. Какой он маленький, чистенький, как папа качает его в своих больших руках. Ну почему такая несправедливость? Одним – всё, а другим – ничего!

Раз-два в год отец навещает её, на день рождения да после нового года.

Конечно, сам праздник ему и в голову бы не пришло провести с ней, с родной дочкой. А вот теперь у него еще сын родился, вообще про Римму забудет. Ну ничего, она ещё отомстит и папочке и его малышу. Покажет им, что они ей без надобности. Тем сильнее было ее удивление, когда мама велела на крестины собираться.

– Не дуйся, дочка, он – твой маленький братик. Папа сам тебя пригласил. Как увидишь малыша, так сразу полюбишь его! Я и сама бы с какой радостью подержала бы его на руках! Малышки такие нежные. Так и хочется их тискать, одевать в маленькую одежду. Ты уже вон какая вымахала. Теперь только внуков ждать мне, чтобы понянчить.

– Не думаю, что мне понравится держать орущее дитя. Тем более у меня двоюродный брат есть, зачем мне еще один?

– Это не чужой тебе ребенок, а единокровный брат. Нужно держаться своей родни. Ты ведь хочешь отца чаще видеть? Будешь помогать с малышом, так оно и будет. Ты у меня уже взрослая, иди, расскажешь потом про крестины.

Римма неловко повязала голову платком и отправилась в церковь. На улице ранняя осень, еще тепло, но дороги от дождей размыло, туфли вмиг облепились грязной каемкой по бокам, на подошвы налипли пласты жирной скользкой земли. Идти надо было аккуратно, того и гляди в лужу

скатишься.

Римма держалась за забор, чтобы не упасть. Спешила. Еще издалека увидела у церкви группку людей, в которой узнала и отца и его жену с торжественным свертком в руках. Вроде и мельком взглянула на них, но потеряла равновесие и угодила ногой в глубокую лужу. Намочила ногу по колено, белые колготки на ноге стали цвета ржавчины, как будто на одну ногу Римма одела гольф. В туфле неприятно захлюпало и зачавкало. На секунду Римма остановилась, не зная, что делать дальше. Решимости повернуться и идти домой переодеться не было. А тут еще отец помахал ей рукой, и Римма продолжила свой путь к церкви. «Сколько народу пришло, чтобы посмотреть окунание мальчишки в воду, а меня небось, когда крестили, и смотреть никто не пришел!»: с обидой подумала Римма.

Вот и бабушка со стороны отца приперлась, вырядилась как на свадьбу. Стоит, мучается в узких туфлях на каблуках, бедняга. Неужели она думает, что такие неудобства делают ее красивее. Волосы взбила в высокую прическу, и под косыной кажется, что на голове огромная шишка. Дед рядом с ней стоит, глупо улыбается, с Риммой здоровается. «Хорошо, хоть имя моё помнит»: думает Римма.

И все вокруг суетятся в предвкушении обильного праздничного стола. А пока нужно пережить церковную церемонию. Молодых мамочек отправляют к батюшке, который произносит для них очищающие молитвы. «После родов

женщины считаются „нечистыми“, и поэтому без благословения батюшки зайти в церковь не могут. Как у вампиров, наверное, без молитвы у мамочек задымиться и сгорит все тело. Даже в церкви лучше быть мужского пола, чем женского.»: хмуро размышляет Римма.

Про нее все забыли. И она почувствовала себя обделенной. Сегодня крестили много детей. Храм наполнился разноголосым плачем. Юные крестные матери сами со слезами на глазах были не в силах унять младенцев. Чужой плач был заразен. И скоро в церкви возникла уже эпидемия из тонких голосов и визга.

Римма с одной мокрой ногой в сырой туфле слушала эту какофонию звуков и боролась с желанием заткнуть уши руками. Скорее бы все это закончилось. Эти умиления, когда малыш писает после окунания в серебряную купель. Эта масса белых одежек с кружевами, куда пытаются засунуть влажного кричащего малыша. Эта духота в церкви.

«Придти бы домой, снять эти ненавистные туфли, уткнуться маме в живот и разрыдаться, высказать ей свои претензии. Ведь к отцу теперь, вообще, не подступиться! Вон он стоит, сияет, рядом с молодой женой, как будто первенца крестит! А ведь это она первенец, она, Римма!».

Но вот молитвы ее были услышаны, ребенка окружили, начали одевать, пеленать, кудахтать над ним, лишь бы дитячко поскорее успокоилось и заснуло.

Римме всушили полотенце с пеленками, велели сложить

всё в пакет и, вообще, помогать взрослым, «а то, чего она пришла, углы подпирать?».

Отец к ней даже не подошёл, зато подошла его новая жена, молодая, вроде улыбчивая и приятная. Но Римма запретила себе думать про нее хорошо. Ей казалось это предательством по отношению к матери.

– Спасибо, что пришла, мы тебе очень рады.

– Я к отцу пришла, – буркнула Римма и отвернулась.

Молодая женщина растерянно пожалала плечами и поспешила к своему сыну, который от усталости уже спал и даже не реагировал на то, что его одевают.

Выйдя на улицу, Римма тут же замёрзла, но уйти ей было неловко. И она поплелась за толпой на другой конец деревни. Люди шли, рассказывали смешные истории, веселились, фотографировались. У всех было приподнятое настроение.

Небо синее, солнце светит, листья разноцветные, красивые. Это вам не город, воздух чистый, машин мало. Люди в деревню приезжают, первое время мучаются, дышать не могут, голова кружится с непривычки. Привыкли дышать в мегаполисах выхлопными газами.

Вопреки своим обидам и мокрой ноге Римме передалось всеобщее веселье, и она с любопытством смотрела, как раздевали малыша в отцовском доме, какой он краснокожий, лысый и беззащитный. Его голосок был похож на кошачье мяуканье по весне, когда животные затевают свои брачные игрища.

Поход на крестины закончился для Риммы сильным жаром под вечер. И ближайшую неделю она провела в постели, отпаиваемая чаем с малиной. Линейку в школе на первое сентября пришлось пропустить. Жаль. Римме хотелось увидеть подружек, посмотреть, как все изменились. И себя показать. Впоследнее время Римма похорошела, и свое отражение в зеркале ей было приятно и ново. Прыщиков на лбу стало гораздо меньше. Волосы выгорели за лето, и Римма почти блондинка. Еще она научилась тоненько подводить глаза. Посмотрела, как мама проводит аккуратную линию на верхнем веке, сама потренировалась, и теперь каждое утро клянит у матери жидкую подводку для глаз. Ладно, Римма скоро поправится и с новыми силами и надеждами пойдет в школу.

Мама была права, когда говорила, что своим появлением на крестинах она покажет, что хочет и может приглядывать за малышом. Конечно, цель у нее была эгоистическая – побольше бывать с отцом.

Так и случилось, Римму частенько звали погулять, посидеть с мальчиком. И она всегда соглашалась. А скоро и привыкла к тому, что у нее есть младший брат. Ревность и зависть к нему никуда не исчезли, но были уже не острыми, а просто существовали, как существует горизонт на заднем плане картины.

Однажды, когда Римме было лет 15, а брату 5, ее попросили сходить с малышом на речку, уж больно жаркие стояли деньки. Мальчика снарядили как для длительного по-

хода. Уложили ему в большой туристский рюкзак всё, что только может понадобиться. Крем от комаров, крем от загара, несколько смен трусиков и маечек, бутылку с водой, с соком, яблоки, вареные яйца, помидоры, огурцы, хлеб, печенье, надувной круг, мяч, детскую пластмассовую посудку, одеяльце, полотенце, салфетки. И всё это должна нести Римма! А она накануне легла за полночь, ездила с девчонками в город кино смотреть.

И вот теперь по жаре нужно тащить огромный рюкзак и развлекать парнишку. Но она настолько привыкла быть безотказной для отца, что ей и в голову не пришло сослаться на усталость и остаться дома.

Стараясь идти в тени деревьев, брат и сестра двинулись в путь. Дорогой Римма молчала, от жары не хотелось говорить и тратить на это свою энергию. Чего не скажешь о брате. Он же не умолкал, пересказывал грандиозные события в своём детском саду, не менее грандиозные – в своём дворе, в семье, на работе у мамы, у папы. Кем он собирается стать, когда вырастет. Какой мультик его самый любимый и какое варенье сейчас делает бабуля.

От непрекращающегося потока речи, горлышко его пересыхало, и они то и дело останавливались и выуживали из рюкзака бутылку воды, чтобы мальчик попил снова продолжил болтать.

Римма с трудом выдавливала из себя односложные реплики: «Да что ты говоришь! Не может быть! Вот здорово!»

До речки было недалеко, но под ярким солнцем расстояние будто удваивалось. Малец-то в панамке, а Римма без головного убора, и у нее на волосах будто стоит кипящая кастрюля. От вида синеватой воды в речке силы прибавились, и последние шаги они преодолели почти бегом. Ворвались с разбега, не раздеваясь, вода теплая, бережок пологий с желтым речным песком. Не зря они пришли сюда, купаться – это лучшее занятие летним знойным днем. Начали брызгаться друг на друга, хохотали, падали. Речка в этих местах мелкая, чистая, народу никого, день будний.

«Ну вот и славно!»: в теничке Римма расстелила одеяло, разложила еду и велела брату вылезти из воды и перекусить. Аппетит после купания отменный, съели почти все, в ход даже пошли вареные яйца, которые дома никто из них и есть бы не стал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.